

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТНОНИМОВ

Б.Р.Зориктуев

Знакомство с этнической историей народов убеждает в том, что наиболее точное представление о происхождении этноса может дать расшифровка его самоназвания, или этнонима. Этноним (англ. – *ethnonym*, нем. – *Ethnonym*) – собственное имя народа, необходимое условие и предпосылка существования этноса, стержневой элемент его коллективного самосознания. Наряду с устойчиво функционирующими самоназваниями (эндоэтнонимами), бытуют экзоэтнонимы – названия, данные этносам другими народами. Такие имена нередко существенно отличаются не только от эндоэтнонимов, но и друг от друга. Например, народ с эндоэтнонимом *Deutsch* по-русски называется «немец», по-английски – «*German*», по-французски – «*Allemand*», по-итальянски – «*tedesco*» и т.д. [6, с. 151; 5, с. 196; 7, с. 623].

Правильное решение проблемы происхождения и смыслового значения этнонимов означает наиболее эффективное выявление и изучение этнических связей, которые развивались внутри этноса и привели к его сложению. Согласно общепринятой точке зрения, этнонимы содержат некую характеристику называемых этносов. Содержащиеся в них оценки всегда исторически обусловлены и тем самым представляют большую ценность как исторические свидетельства [4, с. 3]. Но изучение этнонимов актуально не только для решения проблемы этногенеза, но и лингвогенеза народов. Этнонимика (не путать с этнонимией! – Б.З.), исследующая совокупность этнических наименований, является частью ономастики. Та, в свою очередь, изучая все разнообразие собственных имен, составляет важнейший раздел лексикологии. Поэтому исследование этнонимов, которые, будучи очень давними по времени образования терминами, содержат в себе не только ценную историко-культурную, но и лингвистическую информацию, дает возможность объяснить генезис и эволюцию имен, проследить по ним пути этнических миграций, культурные и языковые контакты между народами.

Несмотря на то, что в последнее время этнические названия становятся предметом все более целенаправленного исследования, замечание о том, что на каждую сотню этнонимов трудно найти один, этимологию которого можно признать бесспорной, сохраняет свою силу [4, с. 15]. Это объясняется тем, что во многих работах либо отсутствует, либо крайне низок уровень теоретического осмысления вопроса, как возникает этноним. Не снижается процент трудов, авторы которых не видят необходимости изучения роли тех внешних факторов, которые вызывают к жизни появление имен. Зато в них часто проскальзывает мысль, что этнические наименования могли возникать спонтанно, в результате действия каких-то неизвестных внутренних причин, найти которые невозможно. Под пером авторов таких работ этимологизация имен напоминает занимательную игру по угадыванию сначала отдельных частей лексемы, а потом всей лексической единицы как правило из словарного состава своего родного языка. Между тем изучение и сопоставление

Б.Зориктуев

ОХУ-ын ШУА - Буриадын салбар
enhe_z@mail.ru

С.Чулуун, Э.Равдан, Х.Футаки, А.Камимура

Монголын газрын зураг, газрын нэр судлал

“Адмон принт” ХХК хэвлэлийн газар. Улаанбаатар, 2015, ISBN 978-99973-0-702-6

этнонимии (совокупности этнонимов. – Б.З.) разных народов убеждает в глубокой социальной мотивированности этнических наименований, т.е. возникновение имен было тесно сопряжено с конкретной исторической эпохой, средой обитания, спецификой хозяйственно-культурных типов, образом жизни, совокупностью ментальных установок, своеобразием этнического окружения и т.д. Нет нужды лишней раз доказывать, что изучение перечисленных и других объективных факторов образования этнонимов является необходимым и важным шагом в понимании того, как могло возникнуть то или иное имя. Венцом же исследования имен является определение их семантики, являющейся, с одной стороны, ключом к пониманию неизвестных ранее аспектов истории языка, с другой, - способом выявления и раскрытия разных уровней объединительных процессов, завершившихся сложением этноса.

Точная расшифровка имени возможна в случае нахождения его первоначальной формы. Важно знать, что этнонимы (если не все, то большинство – Б.З.) не представляли собой что-то неизменное, они изменялись, в некоторых случаях даже не один раз, во времени, что прямо зависело от характера развивавшихся внутри этноса процессов. Если не выявить первоначальную форму, то найти правильное значение слова никогда не удастся. Мне кажется, что именно по этой причине громадное количество имен до сих пор остаются не этимологизированными. Наиболее часто праформу слова пытаются определить путем использования известных на сегодня архаических языковых норм. Но это очень шаткий и ненадежный подход, потому что не так просто определить время и конкретный язык, к которому относилось слово. Поэтому единственно верным путем остается отыскание исходной формы слова в как можно ранних по времени создания письменных источниках, анализируя ее в том виде, в каком она дана в памятниках.

При определении первоначальной формы этнонима раскрыть ее содержание уже не составляет труда. Исследователь получает возможность полнокровного использования главного, недоступного прежде источника – самого имени. С его помощью он в состоянии теперь прояснить многие неразработанные ранее вопросы глубоко архаичного лексического состава изучаемого языка и понять коренные проблемы начального этапа этногенеза той или иной общности, потому что в этнониме в сжатом виде заключен тот единственно верный материал о языке и истории его носителей, какой невозможно сыскать ни в одном другом источнике. Что касается современной формы этнонима, то оперируя им можно изучить относительно недавнюю историю этноса. Углубление в более ранние периоды неизбежно приведет к ошибочным выводам, не имеющих никакого отношения к реальной истории прошлого.

Примечательной особенностью этнонимообразования является то, что самоназвания не придумывали и не давали себе сами этносы. Большая часть имен получена со стороны. Вначале данные соседями имена функционировали в роли прозвищ. Лишь по истечении некоторого времени они, если не ущемляли достоинство этносов, закреплялись за ними как их самоназвания.

В этнонимии имеются довольно близко совпадающие по звучанию названия. Таковы, например, бытующие в Сибири и сопредельных территориях имена: *хорчин* ~ *харчин*, *таргут* ~ *торгут*, *хори* ~ *хоро*, *тумат* ~ *тумэт*, *хонгодор* ~ *хунгират*, *бурят* ~ *бурут*, *бурут* ~ *буркут* (*мюркют*) и др. Сходство названий – игра случая, скрытые правила которой отнесли к категории этнонимов некоторые похожие по произношению слова. Такие имена требуют к себе повышенного внимания. Схожесть названий вовсе не означает, что они имеют общие корни. Чтобы не впасть в ошибку и не отождествить внешне созвучные, но имеющие разное семантическое наполнение слова, необходим тонкий и скрупулезный анализ каждого из них. Например, на первый взгляд кажется, какое может быть различие между словами *хори* и *хоро*. Однако *хори* – это название племенной общности, жившей на берегах Байкала (Баргуджин-Токум), *хоро* (мн.ч. - *хоролор*) – крупной этнической группы в составе якутов. Первопредками хоролоров являются прилетающие из теплой южной

страны Хоро сирэ Ворон и Орел. Хоролоры почитали Ворона и Орла и называли их «Наш дедушка», «Наш предок». В мифах говорится, что хоролор во время наводнения лежал в безлюдной местности и умирал от голода и холода. Вдруг прилетел Ворон и подал ему трутницу с огнивом. Тот развел огонь и остался жив. Такие же типологически одинаковые мифы имеются в фольклоре северо-восточных чукчей, коряков и ительменов. У баргуджин-токумовских хоринцев племенная мифология по существу сведена к одному мифу об охотнике Хоридой-мэргэне и его браке с птицей-лебедем, превращающейся в девушку. Этот миф резко контрастирует с «вороньими» и «орлиными» мифами, что является отражением разного миропонимания и, главное, разного происхождения хоролоров и хоринцев. Хоролоры, в отличие от монголоязычных хоринцев, имеют нижнеамурские палеоазиатские генетические корни [3, с. 120-121, 123-127].

Следует особо подчеркнуть, что этноним является внешним проявлением наиглавнейшего признака этноса - этнического самосознания. Утрата этнического самосознания, выражающего чувство принадлежности к определенной этнической общности и являющегося отражением в сознании людей реально существующих этнических связей [6, с. 114, 151], означает распад и смерть этноса. Возникший на его месте новый этнос имеет другое самоназвание. Поэтому иногда встречающееся утверждение, что после исчезновения этноса его имя спустя ряд веков может возродиться в другой общности, является грубейшим извращением основных положений теории этноса. К примеру, линия развития средневековых монголоязычных народов представляла собой цепь последовательно сменявших друг друга этносов. Вначале были дунху, после них появились сяньби, ухуани, жужани и нынешние монголы. Если бы давно исчезнувшие этнонимы обладали свойством появляться снова, то сейчас на этнической карте вновь существовали бы четыре первых названных, а также другие давно канувшие в Лету имена: хунну, ухуань, кидань, кумоси и т.д. Но их нет, что говорит об абсолютной беспочвенности мнения о некоей возобновляемости этнических наименований.

Изложенные подходы к изучению этнонимов, не затрагивая лингвистического аспекта, можно кратко проиллюстрировать на примере имен *бурят* и *монгол*. Проблема этимологизации имени *бурят*, как, впрочем, и *монгол*, является одной из старейших и нерешенных в востоковедной науке. Главная ошибка исследователей заключалась в том, что они не пытались найти точную первоначальную форму названия *бурят*. Имя рассматривалось в отрыве от реального исторического контекста, вне связи с объективными предпосылками его возникновения. Это приводило к тому, что образование этнонима относили то к эпохе хунну, то к древнетюркскому времени, то к XVII в., считая его русизмом. Крупным недостатком было то, что имя изучалось без привязки к конкретному типу этнической общности, т.е. исследователи не осознавали, с чем имеют дело: то ли с племенным названием, то ли с именем народности. Отсутствие наименования *бурят* в письменных памятниках до присоединения Байкальского региона к России, объясняли его не востребованностью. В XVII-XVIII вв., когда началось активное формирование бурятской народности и для ее обозначения потребовалось имя, этноним *бурят* после долгого перерыва был снова введен в употребление. В целом знакомство с опубликованной литературой показывает, что вся неопределенность с названием *бурят* была обусловлена тем, что у авторов не было четкого ответа на вопрос, как надо исследовать данное имя.

Между тем все источники однозначно свидетельствуют о том, что этноним *бурят* с самого возникновения был именем народности, складывание которой началось на западной стороне Байкала. В ее образовании и становлении прослеживаются три этапа, каждому из которых соответствует та или иная форма имени *бурят*. Первый этап (XVI – XVII в.) – сложение племенного объединения как этнической основы бурятской народности на западной стороне Байкала. Второй этап (начало - 60-гг. XVIII в.) – включение в объединительные процессы населения Забайкалья. Третий этап (40-е – 80-е гг. XVIII в.) – осознание жившими по Селенге монгольскими родами своей принадлежности к бурятскому

этносу. Завершение процесса образования бурятской народности.

В рамках первого этапа в Предбайкалье сформировалось прочное племенное объединение (соплеменность) в составе булагатов, эхиритов и других этнических групп, на базе которого позже сложилась народность. Оно называлось *бурат*, что с монгольского значит «народ, живущий в лесистой местности», кратко - «лесные». Это имя, которое записывалось появившимися на Ангаре в начале XVII в. русскими казаками как *браты*, было дано степными племенами Монголии.

В границах второго этапа название *бурат* приняло форму *бурэт*. В начале XVIII в. консолидационные процессы перекинулись на восточную сторону Байкала и ускорили трансформацию соплеменности *бурэт* в общность более высокого уровня – народность, занимавшей территорию уже на обоих берегах Байкала. Установление в 1727 г. русско-китайской границы, что означало окончательное присоединение Предбайкалья и Забайкалья к России, с неизбежностью привело к тому, что в орбиту объединительных процессов оказались вовлеченными хоринцы и многочисленные монгольские роды на юге Забайкалья. Как следствие этого, наименование *бурэт*, распространившись в Забайкалье, стало употребляться в качестве общего имени всего населения. В результате к 70-м гг. XVIII в. в Забайкалье, как и ранее в Предбайкалье, установилось общее название *бурэт*.

Данный факт можно было бы расценить как сложение контуров новой народности. Но образование народности не было завершено. В начале третьего этапа, в 40-х гг. XVIII в., у живших по Селенге монголов под влиянием особенностей их языка название *бурэт* стало приобретать известную ныне форму *бурят*, которой до этого у Байкала никогда не было. Имя *бурят* в условиях довольно сложных отношений России с Цинской империей по вопросу о забайкальских монголах не без помощи российского правительства получило быструю известность в стране в качестве официального наименования формировавшейся народности. Варианты *бурэт* и *бурят* имеют то же значение («лесные»), что их общая исходная форма *бурат*.

В 80-е гг. XVIII в. *бурятами* называло себя большинство населения Забайкалья. Исключение составляли северные районы, где предбайкальские выходцы именовали себя по-старому *бурэт*. Это означало, что объединительные процессы по обе стороны Байкала получили свое завершение. Образовалась бурятская народность, имевшая такой важный для этого типа общности признак как единое этническое самосознание. Стержневым его элементом было имя *бурят*, благодаря ему все население осознавало свою принадлежность к единому бурятскому народу. Так как становление самосознания, скрепившего все части этноса, относится к 80-м гг. XVIII в., то данный рубеж может считаться временем образования бурятской народности [1, с. 208-239].

Что касается имени *монгол*, то оно название возникло в северо-восточном Китае на правом берегу р. Эргунэ (в русском написании - Аргунь) в известной по письменным источникам местности Эргунэ-кун, где после сокрушительного поражения от врагов укрылись предки монголов. Местонахождение прародины монголов было установлено международной экспедицией, в 2004-2006 гг. проводившей исследования по ее поиску и идентификации. Автором идеи о необходимости проведения экспедиции в долине Эргунэ и Хайлара, ее организатором и руководителем был автор настоящей статьи.

Эргунэ-кун представляет собой сравнительно небольшое степное пространство в окружении гор и глухой тайги на месте соединения Эргунэ и его притока Цзилюхэ, который до переименования китайцами имел тунгусское название Мангу. Там на двух высоких плато (одно на берегу Эргунэ, другое – в устье Цзилюхэ, на этом плато располагалась ставка вождя предков монголов) сохранились остатки двух городищ, а на гребне крутой горы – поселения, выполнявшего роль наблюдательного пункта. Эти объекты специалистами по найденным на них артефактам определены как существовавшие в эпоху династии Тан и принадлежавшие ранним монголам (мэнью шивэй). Обращает на себя внимание тесная взаимосвязь других основных моментов. В древнемонгольском языке слово *кун* означало

одинокими горами с крутыми склонами. Такими же возвышенностями являются плато и гора вблизи Эргунэ, вызвавшие появление топонима Эргунэ-кун. Гористая правобережная сторона Эргунэ до сих пор называется своим древним именем Шивэй. В источниках танской эпохи впервые упоминающееся имя *монгол* записано в форме *мэнью шивэй*. Эти данные, а также содержание гидронима Мангу, о чем будет сказано дальше, дают право утверждать, что прилегающая к Эргунэ территория является той самой местностью Эргунэ-кун, где в эпоху Тан находились предки монголов.

Этимология названия *монгол* всегда привлекала внимание ученых. Одним из первых к его разгадке обратился Д.Банзаров. В статье «О происхождении имени *монгол*» он писал, что это имя «без всякой натяжки... разлагается на мон-гол, “река Мон”. Значение этих слов прямо указывает, откуда произошло это имя, т.е. от реки, на которой жил самый народ». Статья Д.Банзаров была опубликована в 1849 г. в Казани. Но еще до выхода ее в свет он признался в ошибочности своего предположения, о чем сообщил в своем письме от 4-го января 1849 г. акад. А.А.Шифнеру.

Хотя Д.Банзаров ошибся в вопросе о происхождении названия *монгол*, его гипотеза о двусложной конструкции этого этнонима (мон + гол) оказала заметное влияние на ряд последующих исследователей, направив их по неверному пути. Так, Ч.Хасдорж писал, что значение слова *монгол* – «главное племя мон», Намжилцэвэн – «истинный центр», Ли Дунфан – «вечная река» и т.д. Все ошибочные трактовки этнонима *монгол* предопределены тем, что авторы не провели его глубокого анализа и, как в случае с именем *бурят*, не попытались найти его точную первоначальную форму.

Но монголоведам повезло в том плане, что в их распоряжении имеется «Тайная история монголов» – выдающийся памятник монгольской историографии, созданный, что важно, самими монголами. В монгольском тексте источника имя *монгол* передано в форме *мангол*, что говорит о том, что в XIII в. еще сохранялась эта первоначальная его форма. Слово *мангол* состоит из двух частей: корня *манго*, соотносимого с названием р. Мангу (Цзилюхэ), притока Эргунэ, где в ее низовье, напомню, располагалась ставка вождя прибывших в Эргунэ-кун предков монголов, и суффикса множественного числа *-л*, обозначающего групповую совокупность людей. В сумме обе части дают значение «те, которые живут на реке Мангу».

Вначале слово *мангол* было прозвищем, полученным предками монголов от шивэйских племен. Позже сформировавшееся со временем новое этническое самосознание обусловило то, что оно закрепилось у них как самоназвание. Последующая эволюция имени *мангол* привела к тому, что оно после выхода монголов из Эргунэ-куна и прибытия к истоку Онона (предположительно в конце VIII в.), завершения формирования дарлекино-нирунской группы (нач. XII в.) – этнической основы современного монгольского народа, называемой в источниках «коренные монголы Трехречья», приняло общеизвестную сейчас форму *монгол*. Трансформация этнонима (*мангол* → *монгол*) произошла после XIII в. Семантика имени *монгол* та же, что у его исходной формы [2, с. 48-49, 53-56].

Литература

1. Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2011. 278 с.
2. Зориктуев Б.Р. Об этимологии этнонима *монгол* // Восток. - 2011. – № 1. - С. 47-57.
3. Зориктуев Б.Р. Якутские хоролоры: кто они? (к проблеме этнической идентификации) // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2011. – № 2. - С. 120-127.
4. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. М.: Изд-во «Наука». Гл. ред. Вост. лит-ры, 1970. С. 5-33.
5. Садохин А.П. Этнология. Уч. словарь. М.: Гардарики, 2002. 208 с.
6. Свод этнографических понятий и терминов. Этнические и этносоциальные категории. Вып. 6. М.: ИЭА РАН, 1995. 216 с.
7. Тавадов Г.Т. Этнология. Современный словарь-справочник. М.: АНО «Диалог культур», 2009. 704 с.

SUMMURY

Introducing the ethnic history convinces us that the most accurate representation of ethnic origin can give the transcript of his self-designation or ethnonym. Ethnonym - the proper name of the people, a necessary condition and prerequisite for the existence of the ethnic group, the core element of its collective identity. In addition to, a sustainable self-designation (endoetnonimami) portrayed ekzoetnonimy-names, given to ethnic groups other nations. Such names often differ considerably not only from endoetnonimov, but also from each other. For example, people with endoetnonimom Deutsch in Russian called "Germans", in English - «German», in French - «Allemand», in Italian - «tedesco», etc.

The correct solution to the problem of the origin and the semantic meaning of ethnonyms is the most effective detection and study of ethnic relations, which have developed within the nation and led to its addition. According to the conventional wisdom, ethnonyms, that contain certain characteristics, are called ethnic groups. They contain assessed ways historically conditioned and thus are of the great value as the historical evidence. But the study of ethnonyms is relevant not only to solve the problem of ethnogenesis, but lingvogeneza of people.

Ethnonymic (beware of not being confused with the ethnonym! - BZ) investigates a set of ethnic names and it is a part of onomastics. That, in turn, studying the diversity of one's own names is the most important part of the lexicology. Therefore, the study of ethnonyms, being a very long time for the formation of the terms, contains not only the valuable historical and cultural, but also the linguistic information and makes it possible to explain the genesis and evolution of the names on them to follow the path of the migration of ethnic, cultural and linguistic contacts between people.

Recently the subjects of ethnic names have become more focused research but they are often noted that it is hard to find one among every hundred ethnonyms, the etymology of which can be regarded as certain. This is due to the fact that in many studies, there is either absent or very low level of theoretical understanding of the issue as there is ethnonym. No reduction in the percentage of works by authors who do not see the need to explore the role of the external factors that cause the appearance of life to the names. However, they often slip the idea that ethnic names can occur spontaneously as a result of some unknown internal causes, which cannot be found.

In our points of view, the exact name of decoding is possible in the case of finding its original form. Therefore, in this paper, the said approach to the study of ethnonyms, without affecting the linguistic aspects has been summarized on the examples of the names of Buryat and Mongolia.